

Син Хе Чо

аспирант Российского государственного
гуманитарного университета
тел.: (961) 265-16-20

ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ ПОЭТИКИ ГОГОЛЯ В ГРАФИЧЕСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ М.З. ШАГАЛА

Аннотация:

В данной статье рассматривается особенность книжных иллюстраций к произведению Н.В. Гоголя «Мертвые души» в XX в. Основными задачами исследования являются характерность персонажей и художественное пространство гоголевской поэмы в графических изображениях художника М.З. Шагала.

Ключевые слова:

иллюстрация, книжная графика, художественная интерпретация, художественное пространство.

Shin Hye Cho

post-graduate student of
Russian State Humanitarian University
tel.: (961) 265-16-20

REPRODUCTION OF GOGOL'S POETICS IN GRAPHICAL IMAGES OF M.Z. CHAGALL

The summary:

This article discusses the feature of book illustrations to the work of N.V. Gogol "The dead souls" in the XX century. The main tasks of the study are typical characters and art space Gogol's poem in graphic images of the artist M.Z. Chagall.

Keywords:

illustration, book graphics, artistic interpretation, artistic space.

XX век – сложный век испытаний для русской культуры – привнесет в гоголевскую иллюстрацию много нового понимания и новых художественных достижений. Среди художников XX в. М.З. Шагал стремился преодолеть сложившееся в европейской культуре нового времени представление об оппозиции объективного и субъективного миров. Он считал целью художника обнаружить фундаментальную объективную основу человеческого бытия именно в игре форм его субъективного восприятия.

В попытках соединить новые веяния в философии того времени – феноменологию и психоанализ – Марк Шагал, прежде всего, оставался лириком в душе. Сближая Шагала с самим Гоголем, И.П. Золотусский пишет: «Тут поэт сошелся с поэтом, а там, где сходятся поэты, созвучие неминуемо. Близость здесь не исключает различия» [1, с. 238]. В доказательство этих различий на фоне глубокой близости исследователь приводит рисунок Шагала, на котором художник изобразил себя рядом с писателем: «Недаром поэты сидят друг к другу спиной. Гоголь трет рукою лоб и с искаженной улыбкой смотрит на лист бумаги... Он недоволен собой и мучается. Шагал, будучи очень похож на него внешне, ... улыбается... Его улыбка оттеняет гоголевскую напряженность, и все в этом рисунке говорит о том, что Гоголь в конце пути, тогда как молодой единомышленник и оппонент его лишь начинает» [2].

В гоголевских иллюстрациях Шагала ярко проявляется его нетрадиционная творческая манера: смещение времени и пространства, отсутствие линейной перспективы, необычные ракурсы при изображении персонажей и предметов. Сюжетная схема «Мертвых душ», по сути, была использована М. Шагалом для очередной разработки близкой ему темы западнорусского провинциального городка [3].

Гоголь всю жизнь стремился к целостности восприятия своих произведений. В иллюстрациях Шагала эта целостность выражена в характерном ощущении пространства, где равноправно и свободно уместятся земля и небо, город и дорога, сон и явь, настоящее и будущее. Парящие тела героев Гоголя изображены не по прихоти художника, а из-за невозможности их разместить в этой гоголевской бесконечности. В.И. Мильдон писал о творчестве Шагала: «Среди гоголевских иллюстраторов Шагал – примечательное явление. Это художник-читатель, часто попадающий в самое существо поэтики выбранного автора. Воспроизведена совершенно гоголевская «игра» с пространственными объемами... Удивления и восхищения достойно, как интуицией поэта иллюстратор разгадал эту игру» [4, с. 78].

В иллюстрациях «Мертвых душ» Шагала действительно есть игра. Не только четкая, тематически обоснованная, но и непредсказуемая и дерзкая игра разума, сталкивающая друг с другом понятия, образы, символы, которые беспрестанно меняют композиционный ритм его произведений. В отличие от многих читателей и критиков, Шагал не видел в поэме Гоголя ниче-

го темного и негативного. Напротив, его рисунки полны света и юмора, и даже изображение похорон прокурора дано в несколько насмешливой трактовке.

Для манеры письма Шагала характерны изломанные, как в кривом зеркале, формы, непривычные ракурсы изображения, нарушение перспективы. Все эти приемы Шагала используются для того, чтобы сосредоточить внимание не на внешнем облике персонажей, а передать самую суть, дух литературного произведения, глубины его поэтики. Персонажи «Мертвых душ» на иллюстрациях Шагала будто бы находятся в прострации, витают в облаках, – а пространство вокруг них предельно уплотнено, материализовано, причем его слои как бы перемешаны. Человек на шагаловских иллюстрациях поглощается вещным миром и сам напоминает вещь. Таким образом, художнику лучше всего удалось передать идею омертвления живого через его погружение в вещный мир.

При рассмотрении иллюстраций Шагала можно отметить, что на портрете Коробочки эта помещица изображена в просительной позе, воздевшей к Чичикову свои далеко не изящные руки. Ее отвратительное лицо жадной старухи застыло, узкий лоб контрастирует с заплывшими жиром щеками и широко поставленными глазами. Вся ее фигура бесформенна, поза неустойчива; художник сознательно делает этот образ предельно пошлым и не интересным для зрителя. Зато на заднем плане рисунка Шагала видна крохотная церковь; этот символ служит напоминанием христианам о долге снисхождения даже к этой особе, «неприятной во всех отношениях».

В отличие от небрежной проработки фигуры Коробочки, на портрете Собакевича М.З. Шагала изображает этого помещика подробно, гипертрофированно подчеркивая все складки на неуклюжей, громоздкой фигуре этого персонажа. Однако широкое лицо Собакевича, запечатленного в момент его знакомства с главным героем, не внушает отвращения. Собакевич на офорте Шагала прижимает руки к груди и кажется, улыбаясь, произносит: «И ко мне прошу». Следует заметить, что сдержанный и угрюмый Собакевич Гоголя сильно отличается от душевного и умиротворенного Собакевича на иллюстрации Шагала.

В шагаловской иллюстрации «Манилов» этот персонаж изображен утрированно изогнувшим руку, чтобы рассмотреть подъезжающего Чичикова. Он похож на гуттаперчевую куклу, пустую внутри, его облик «фантастичен»: улыбка асимметричного лица похожа на судорожную гримасу, фигура деформирована неестественной позой. Эти особенности подчеркнуты тем, что жена Манилова на заднем плане выписана без каких-либо деформаций. Создается впечатление, что само пространство вокруг Манилова представляет собой плод его фантазии.

На рисунке «Прощание Манилова с Чичиковым» шагаловский Манилов напоминает огромного младенца, а фигура Чичикова сужена в верхней части туловища и расширена в нижней. Изображены также два стула (в тексте Гоголя – стульев четыре), кресло, стол, книга с закладкой, табак, сыплющийся из левой ладони Манилова. Эти вещи выглядят игрушечными, миниатюрными; тем не менее пространство гостиной уплотнено, создается впечатление тесноты в ней.

Такой же прием с успехом используется на иллюстрации «Появление Чичикова на балу». Мы видим огромную фигуру Чичикова и карликовых дам и господ города NN; так художник отразил точку зрения городской «элиты», пока еще ничего не знающей о торговле мертвыми душами. У Гоголя сказано: «Именно, пронеслись слухи, что он ни более ни менее как миллионщик. Жители города и без того, как уже мы видели в первой главе, душевно полюбили Чичикова, а теперь, после таких слухов, полюбили еще душевнее» [5, т. 5, с. 145–146]. И еще: «Появление его на бале произвело необыкновенное действие. Все, что ни было, обратилось к нему навстречу...» [6, т. 5, с. 151]. Впечатление от гротесковых размеров чичиковской фигуры усиливается, если вспомнить, что через несколько дней Чичикова перестанут пускать в гостиные.

На иллюстрации «Плюшкин угощает Чичикова» Чичиков тоже миниатюрен и находится где-то далеко на заднем плане, а примерно 3/4 площади рисунка занимает Плюшкин. Интересен тот факт, что никто из иллюстраторов не изобразил Плюшкина в очках, хотя у Гоголя сказано: «Плюшкин надел очки и стал рыться в бумагах» [7, т. 5, с. 117]. Шагала представил Плюшкина крайне необычно: он выглядит добрым, безобидным, не жалким скрягой, а прямо-таки университетским профессором, от задумчивого лица которого исходит свет, заливающий все пространство. Если Лаптев, как и большинство иллюстраторов, рисует комнату Плюшкина заваленной хламом, в соответствии с текстом, то Шагала изобразил ее большой и пустынной. При этом линейная перспектива оказывается явно нарушенной: судя по размерам Чичикова, он должен находиться где-то в очень далеком углу комнаты. Этот прием художника позволяет зрителю почувствовать глубокое одиночество Плюшкина, совершенно непохожего на его образ у других иллюстраторов. К тому же на этом рисунке Шагала Чичиков тоже выглядит непривычно: он скорее похож на худощавого щеголя, потому что таким его воспринимает Плюшкин.

На иллюстрации Шагала «Похороны прокурора» похоронная процессия больше похожа на какое-то карнавальное шествие ряженых. На заднем плане простонародье с веселыми

улыбками наблюдает за этим неординарным событием, способным стать развлечением посреди провинциальной скуки. Чиновники настолько тесно сгрудились, что напоминают большое единое существо. На их лицах – лицемерная, деланная скорбь. Как ни странно, изображение похорон производит жизнерадостное впечатление: гроб прокурора выглядит игрушечным, ненастоящим, а кучер погребального экипажа кажется очень веселым. Можно вспомнить, что Чичиков тоже не проявлял особой скорби по поводу смерти прокурора, сам Гоголь представляет это событие скорее в комических тонах.

На рисунке «Маленький город» тесно сгрудившиеся домики буквально налезают друг на друга на фоне «широкой, как поле» улицы, которая скошена вверх (перспектива снова нарушена). Шагаловский гротеск, его «бытовая фантастика» очень точно передают общую атмосферу губернского города, описанного Гоголем, – со всей его непролазной грязью, пьянством, грубостью нравов, взяточничеством чиновников.

Таким образом, поэтика и оптика Шагала конгениальны поэтике и оптике Гоголя. Детское простодушие, фольклорный смех, барочная причудливость рисунка – составляющие этой оптики. Русский писатель и русско-европейский художник изображают не видимое явление, а самую суть происходящего.

Необходимо отметить, что хотя Шагал явно выбивается из реалистической традиции, зачастую он бывает необыкновенно точен в передаче деталей, упомянутых в тексте Гоголя. Например, только на его иллюстрациях видны надписи на вывесках губернского города, упомянутые писателем: «Иностранец Василий Федоров», «Аршавский портной», «Питейный дом». Это только он догадался надеть очки на Плюшкина, это только его Манилов делает руку лодочкой, всматриваясь в подъезжающего Чичикова. Именно Шагал подмечал те детали, мимо которых проходили другие иллюстраторы. И художник, и писатель – гении, выбивающиеся за границы «грубоощутительной правильности». Они оба подобны разросшемуся плюшкинскому саду: недаром его описание занимает столько места у Гоголя и недаром столь прекрасен этот сад на иллюстрации Шагала. И тот, и другой – представители народной культуры: в самом деле, их чиновники, хоронящие прокурора, одиноки и жалки посреди веселого народного моря, знающего точную цену этому покойнику: «а ведь если разобрать хорошенько дело, так на поверку у тебя всего только и было, что густые брови» [8, т. 5, с. 206].

Ссылки:

1. Золотусский И. Смех Гоголя. М., 2005.
2. Немировский Е.Л. Иллюстрированные издания «Мертвых душ» Н.В. Гоголя // КомпьюАрт. 2004. № 1.
3. Там же.
4. Мильдон В. Поэтика Гоголя и иллюстрация // Иллюстрация. М., 1988.
5. Гоголь Н.В. Полн. соб. соч. и писем: в 7 т. М., 1985.
6. Там же.
7. Там же.
8. Там же.

References (transliterated):

1. Zolotusskiy I. Smekh Gogolya. M., 2005.
2. Nemirovskiy E.L. Illyustrirovannye izdaniya "Mertvykh dush" N.V. Gogolya // Komp'yutArt. 2004. No. 1.
3. Ibid.
4. Mil'don V. Poetika Gogolya i illyustratsiya // Illyustratsiya. M., 1988.
5. Gogol' N.V. Poln. sob. soch. i pisem: in 7 vols. M., 1985.
6. Ibid.
7. Ibid.
8. Ibid.